

О САМОМ ГЛАВНОМ

Ю.В. ЛАТОВ¹

ПОИСК АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ: НАКАЗАНИЯ, СТИМУЛЫ ИЛИ МОРАЛЬ?

Российские социологические опросы последних лет показывают, что коррупция воспринимается как одна из главных угроз (или даже самая главная угроза) национальной безопасности (см., например [4]). Существует, таким образом, общественный спрос на разработку и реализацию стратегической (долгосрочной) государственной программы противодействия коррупции. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» [5] является важным шагом по пути формирования этой антикоррупционной стратегии. В этом документе «признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации» (п. 7) четко заявлено как первый принцип Национальной стратегии.

Однако у существующей Национальной стратегии противодействия коррупции есть три крупных недостатка, которые в значительной степени снижают ценность этого акта.

Во-первых, сформулированная в Национальной стратегии цель абсолютно нереальна. В п. 5 заявлено, что «целью Национальной стратегии противодействия коррупции является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе». Вряд ли надо доказывать, что «искоренить» эти причины и условия не удалось пока ни в одной стране мира, а потому вряд ли это удастся сделать в современной России.

Во-вторых, в Национальной стратегии не указано никаких критериев, на основании которых можно было бы судить о степени реализации Национальной стратегии. Собственно, вторая ошибка Национальной стратегии логически вытекает из первой: если заявленная цель заведомо недостижима, то указывать точные критерии степени ее достижения — значит затем неизбежно констатировать провал программы. Но кому и зачем нужен стратегический план, не предполагающий объективной оценки его выполнения?! Поэтому существующая Национальная

---

¹ Ю.В. ЛАТОВ, ведущий научный сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, д.с.н., к.э.н., доцент

стратегия порождает подозрения, будто она направлена главным образом на имитацию борьбы с коррупцией.

В-третьих, принятый одновременно с Национальной стратегией в апреле 2010 г. Национальный план противодействия коррупции рассчитан только на 2010-2011 гг. За такой короткий срок (менее двух лет) можно в лучшем случае создать предпосылки для начала реализации стратегического национального антикоррупционного проекта. Однако за этот срок вряд ли возможно добиться каких-либо значимых результатов.

Поскольку принятая Национальная стратегия буквально обречена на доработку, попробуем ответить на вопросы, как следует сформулировать научно обоснованную цель борьбы с коррупцией в современной России и как можно отслеживать степень достижения этой цели.

Любой перспективный план эффективен только тогда, когда в него заложены показатели, при помощи которых можно отслеживать степень выполнения плановых заданий. Это в полной мере относится и к борьбе с коррупцией. Существующая формулировка цели Национальной стратегии противодействия коррупции как искоренения причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, страдает декларативностью. Более научно обоснованной долгосрочной целью было бы — в самом общем виде — снижение коррупции до некоего социально неопасного уровня. Но каков же этот уровень?

Масштабы коррупции трудно оценить, поскольку подавляющая часть коррупционных правонарушений остаются не выявленными и не наказанными¹. Именно из-за своей высочайшей латентности коррупция является крайне опасной разновидностью экономической преступности. Однако есть немало методов, позволяющих хотя бы приблизительно оценить относительную и абсолютную степень коррумпированности той или иной национальной экономики.

СТРАНЫ МИРА	Индексы восприятия коррупции						
	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.
Развитые страны							
Дания	9,3	10,0	9,5	9,5	9,4	9,3	9,3
Швеция	8,9	9,4	9,3	9,2	9,3	9,2	9,2
Канада	8,9	9,2	9,0	8,4	8,7	8,7	8,9
Германия	8,1	8,0	7,3	8,2	7,8	8,0	7,9
Япония	6,7	6,0	7,1	7,3	7,5	7,7	7,8
Великобритания	8,6	8,6	8,7	8,6	8,4	7,7	7,6
США	7,8	7,5	7,7	7,6	7,2	7,5	7,1
Франция	7,0	6,6	6,3	7,5	7,3	6,9	6,8

¹ По мнению исследователей, уровень латентности коррупционной преступности колеблется в районе 90-98% [3, с. 5].

<i>Испания</i>	4,4	6,6	7,1	7,0	6,7	6,1	6,1
<i>Италия</i>	3,0	4,7	5,3	6,2	5,2	4,3	3,9
Развивающиеся страны							
Сингапур	9,3	9,1	9,4	9,3	9,3	9,2	9,3
Гонконг	7,1	7,7	8,2	8,3	8,3	8,2	8,4
Чили	7,9	6,9	7,5	7,3	7,0	6,7	7,2
Ботсвана		6,1	5,7	5,9	5,4	5,6	5,8
<i>Ю. Корея</i>	5,6	3,8	4,3	5,0	5,1	5,5	5,4
Бразилия	2,7	4,1	3,9	3,7	3,5	3,7	3,7
Индия	2,8	2,9	2,8	2,9	3,5	3,4	3,3
Индонезия	1,9	1,7	1,9	2,2	2,3	2,8	2,8
Нигерия		1,6	1,4	1,9	2,2	2,5	2,4
Венесуэла			2,4	2,3	2,0	1,9	2,0
Транзитивные страны							
Эстония		5,7	5,6	6,4	6,5	6,6	6,5
Польша		4,2	3,6	3,4	4,2	5,0	5,3
Венгрия	4,1	5,2	4,8	5,0	5,3	5,1	4,7
Чехия		4,6	3,9	4,3	5,2	4,9	4,6
<i>Грузия</i>		2,3	1,8	2,3	3,4	4,1	3,8
Куба			4,6	3,8	4,2	4,4	3,7
Китай	2,2	3,4	3,4	3,2	3,5	3,6	3,5
Беларусь		3,4	4,2	2,6	2,1	2,4	2,5
Украина		2,6	2,3	2,6	2,7	2,2	2,4
Россия		2,4	2,7	2,4	2,3	2,2	2,1

Составлено по: <http://www.transparency.org/>.

Среди сравнительных количественных оценок коррупции наиболее популярен «индекс восприятия коррупции» (Corruption Perceptions Index – CPI), который часто называют просто индексом коррупции. Это 10-балльный показатель, сравнивающий уровень коррумпированности чиновников и политиков в разных странах мира. Он с 1995 г. ежегодно рассчитывается международной организацией Transparency International (некоммерческой неправительственной организацией по изучению коррупции и борьбе с ней). Для этого Transparency International интегрирует оценки нескольких авторитетных международных научных и экономических организаций (таких как Всемирный Банк, Freedom House, World Economic Forum и др.).

Показатели CPI основаны в конечном счете на оценках степени коррумпированности разных стран, даваемых бизнесменами и

аналитиками. В процессе обобщения отдельных исследований каждая страна (в самой новой базе данных CPI за 2010 г. их было 178) получает оценку по 10-балльной шкале, где 10 баллов означают отсутствие коррупции, а 0 баллов — самую высокую степень коррупции. Реально подавляющее большинство стран мира демонстрирует показатели CPI в интервале от 2 до 9 баллов.

Анализируя базу данных индекса CPI за почти 15 лет (в Табл. 1 указаны индексы для некоторых стран), можно выделить следующие закономерности:

- коррупция чаще всего выше в бедных странах, но ниже в богатых;
- коррупция в целом ниже в странах западноевропейской цивилизации и выше в не-европейских странах со слабыми традициями политической демократии;
- коррупция обычно выше в странах с богатыми природными ресурсами.

Может показаться, что Россия «обречена» на высокую коррупцию, поскольку наша страна не очень богата, имеет не слишком прочные традиции политической демократии и обладает богатыми природными ресурсами, провоцирующими рентоискательство. Указанные закономерности, однако, не создают фатальной детерминированности. Есть примеры успешной национальной антикоррупционной политики, в результате которой низкого уровня коррупции добивались бедные (как Ботсвана), неевропейские (как Гонконг), богатые природными ресурсами (как Канада и Норвегия) страны. Поэтому можно сделать вывод, что у России есть предрасположенность к высокой коррупции, но не обреченность. В конце концов, тот же самый Гонконг до 1980-х гг. считался *очень* коррумпированным, но смог «очиститься» от коррупции.

К сожалению, согласно мониторинговым данным Transparency International, индекс коррупции в России колебался в течение последних 10 лет в интервале 2,2-2,7 баллов. Это несколько лучше, чем у Индонезии (1,7-2,8 баллов) или Нигерии (1,4-2,5 баллов), но хуже, чем у Индии (2,8-3,5) или Китая (3,2-3,6). Самое печальное в том, что на протяжении 2000-х гг. положение России в этом международном рейтинге медленно, но неуклонно ухудшается. В 1990-е гг. Россия считалась в рейтинге CPI «средней среди худших», к концу 2000-х гг. она спустилась в группу стран «худших среди худших». В 2010 г. показатель России (2,1 балла) оказался ниже, чем у Индонезии (2,8 балла) и Нигерии (2,4 балла). Мы оказались в последнем ежегодном рейтинге на 154-м месте среди 178 стран (в 2009 г. Россия находилась на 146-м месте среди 180 стран). Есть, конечно, в современном мире и такие государства, у которых индекс коррупции хуже российского, — это исключительно слаборазвитые страны (как, например, Таджикистан — 2,1 балла, Ангола — 1,9 балла, Узбекистан — 1,6 балла). Все государства примерно того же уровня развития экономики,

на котором находится Россия (по показателю среднедушевого ВВП Россия находится рядом с Чили), расположены в рейтинге индекса коррупции на более высоких позициях.

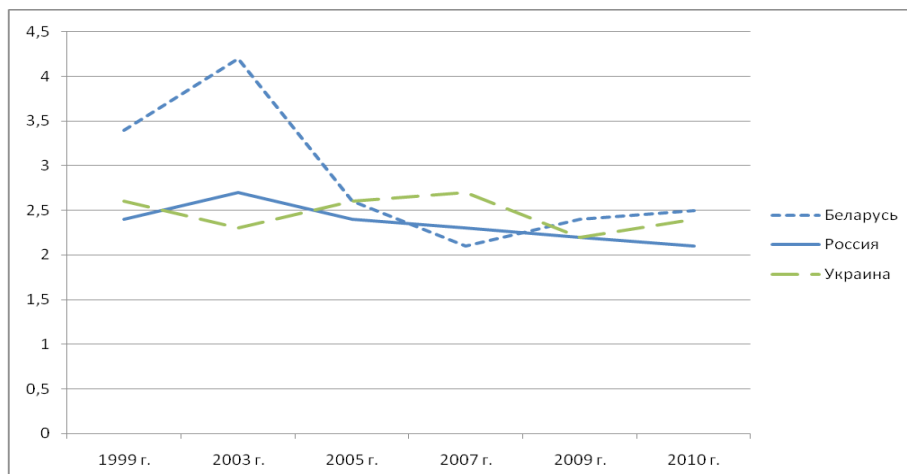

Рис. 1. Сравнение динамики CPI некоторых стран Латинской Америки

Рис. 2. Сравнение динамики CPI некоторых стран Восточной Европы

Может возникнуть закономерный вопрос, насколько объективным является индекс коррупции. Очень низкие индексы Ирана (2,2 в 2010 г.), России (2,1) и Венесуэлы (2,0) пробуждают подозрения, что политическим оппонентам Вашингтона преднамеренно «чернят» репутацию, используя международные экономические организации как инструмент экономического давления.

Однако вряд ли политические соображения играют доминирующую роль в индексах коррупции. На Рис. 1 и 2 показана сравнительная динамика CPI нескольких «благонадежных» и «неблагонадежных»

стран Латинской Америки и Восточной Европы. В первом случае коммунистическая Куба демонстрирует более высокую чистоту от коррупции, чем капиталистические Бразилия и Мексика. Во втором случае Белоруссия, которую считают на Западе более авторитарным государством, чем Россию и Украину, тоже чаще всего оценивается как менее коррумпированная в сравнении с ее странами-соседями с более либеральной репутацией. Эти примеры показывают, что оценки коррумпированности страны отнюдь не являются прямым отражением проводимого ее правительством политического курса.

Итак, вопрос об измерении уровня коррупции в первом приближении можно считать решенным: индекс СРІ является достаточно авторитетным и относительно объективным инструментом мониторинга коррупции. Попробуем теперь ответить на вопрос о реалистичной формулировке цели борьбы с коррупцией.

Знакомство с базой данных СРІ лишний раз убеждает, что национальный антикоррупционный проект категорически не должен провозглашать очередную кампанию по «искоренению» коррупции в России. Полностью *искоренить* причины и условия, порождающие коррупцию, пока не удалось нигде: по индексу СРІ 10 баллов из 10 возможных не набирает, как правило, ни одна страна мира.

В то же время мировой опыт убеждает, что при наличии политической воли и ряда иных (в первую очередь, культурных) предпосылок можно *радикально ограничить* масштабы распространения коррупции. Скажем, даже в Швеции и Сингапуре коррупция окончательно не ликвидирована, однако она не является в таких странах сколько-нибудь социально опасным явлением.

Есть ли среди стран в базе СРІ такие, которые в период мониторинга Transparency International (т.е. за последние 15 лет) продемонстрировали выдающиеся успехи в борьбе с коррупцией?

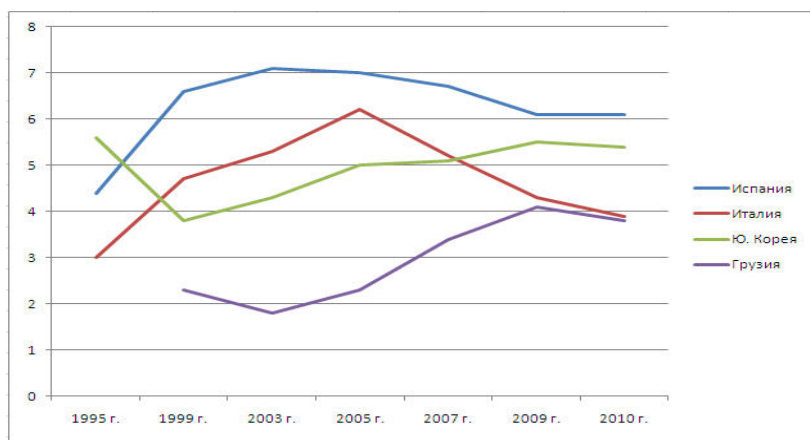

Рис. 3. Динамика СРІ у стран, добившихся быстрых успехов в борьбе с коррупцией

Анализируя динамику индекса коррупции, легко заметить, что у большинства стран она колеблется примерно на одном уровне (плюс-минус 1 балл). Лишь немногим удалось за 15-летний период мониторинга существенно улучшить свой показатель.

В Таблице 1 представлено 30 стран — по 10 из числа развитых, развивающихся и транзитивных (экс-социалистических). Из них только 4 продемонстрировали возможность повысить хотя бы временно свой CPI более чем на 1,5 балла (Рис. 3):

- Южная Корея за 1999-2009 гг. увеличила свой показатель на 1,8 балла (однако у этой страны показатель 1999 г. был крайне низким в сравнении с показателем 1995 г., так что к концу 2000-х гг. Южная Корея вернулась к своему уровню середины 1990-х гг.),

- Грузия за 2003-2009 гг. повысила индекс CPI на 2,3 балла, обогнав Россию (правда, в 2010 г. ее показатель начал снижаться);

- Испания за 1995-2003 гг. «взлетела» на 2,7 балла (но к концу 2000-х она 1 балл потеряла);

- Италия продемонстрировала рекорд, увеличив за 1995-2005 гг. свой индекс на 3,2 балла (однако в последующие годы она потеряла значительную часть достижений).

Таким образом, если указывать в российской национальной программе борьбы с коррупцией не слишком трудную цель, то можно удовлетвориться увеличением российского индекса коррупции примерно на 1 балл (с нынешних 2 до 3 баллов) за 10 лет, в результате чего Россия, видимо, догонит Индонезию. Российским патриотам может показаться постыдным соревноваться с Индонезией; однако необратимое повышение российского CPI до 3 баллов уже будет *крупным* успехом, поскольку у нашей страны еще никогда не было такого показателя.

Если же попытаться заложить в национальную программу борьбы с коррупцией напряженное задание, достижение которого потребует высокой концентрации сил общества, то целью «на пределе реализма» будет стабильное повышение российского индекса CPI за 10 лет на 2-3 балла. Выполнение этого напряженного плана означает, что к 2020 г. Россия добьется индекса на уровне примерно 4-5 баллов — как у современных Польши, Венгрии, Италии. «Догнать Италию» — это, конечно, более мобилизирующий лозунг, чем «Догнать Индонезию». Но выполнить такую задачу будет гораздо труднее.

В любом случае следует подчеркнуть, что Россия нуждается не в «демонстрации рекорда», после которого можно будет вернуться к «обычной жизни», а в *устойчивом* повышении своего индекса коррупции. В Национальной стратегии противодействия коррупции справедливо указывается на необходимость устранения (точнее было бы сказать — снижения) «коррупциогенных факторов, препятствующих созданию

условий для привлечения инвестиций» (п. 8). Как известно, именно коррупция считается главным препятствием привлечения в России прямых иностранных инвестиций, без чего принципиально невозможно выполнение амбициозной программы удвоения среднедушевого ВВП к 2020 г. Между тем крупные инвесторы в принятии решений о долгосрочных инвестиционных проектах ориентируются именно на устойчивые показатели, слабо реагируя на неустойчивые «всплески».

Поэтому, выбирая реальную цель для эффективной Национальной стратегии противодействия коррупции, лучше ставить более умеренную задачу повышения СРІ на 1,5 балла (до 3,5 баллов к 2020 г.), акцентируя внимание на обеспечении устойчивости его роста. В результате Россия выйдет на уровень современного Китая, где коррупция хотя и признается серьезной социальной проблемой, но все же не слишком препятствует «китайскому экономическому чуду»

Что касается снижения коррупции до социально не-опасного уровня, то эту задачу следует разбить на две части.

Представления о том, какой уровень коррупции является социально не опасным, заметно различаются в странах с разными культурными традициями. Для стран Восточной Европы, судя по базе данных СРІ, он равен примерно 4-5 баллам. Выйти на этот уровень Россия сможет вряд ли раньше 2025 г. и только при условии, если снижение уровня коррупции удастся сделать устойчивой тенденцией развития нашей страны, не зависящей от политических изменений.

Можно ли нацеливаться на достижение настолько низкого уровня коррупции, какой считают социально не опасным в развитых странах (скажем, как в современных Франции или США — на уровне 7 баллов)? Видимо, да, но это является задачей на еще более долгосрочную перспективу. Может показаться, что снижение коррупции до уровня, нормального для развитых стран, будет возможно лишь тогда, когда Россия по всем основным социально-экономическим характеристикам станет развитой страной, что станет возможным вряд ли ранее чем через полвека. Однако анализ показателей СРІ показывает, что добиться низкого уровня коррупции удалось и некоторым странам, считающимся пока развивающимися (скажем, в 2010 г. Чили имела индекс 7,2, Уругвай — 6,9 баллов). Поэтому лозунг «Догнать Францию (по индексу СРІ)» может быть в принципе реализован в России не через полвека, а через четверть столетия.

Анализ зарубежного опыта показывает, что добиться «перелома» в борьбе с коррупцией удастся обычно лишь тогда, когда одновременно происходит качественное изменение политической жизни в целом (операция «Чистые руки» в Италии 1992 г., приход к власти администрации Саакашвили в Грузии в 2003 г. и др.). Предстоящие в 2012 г. президентские выборы в России являются удобным моментом для выработки и начала

реализации реальной стратегической программы антикоррупционной политики.

В научной литературе можно найти различные подходы к решению проблемы, каким должно быть основное содержание антикоррупционных мер.

Одни ученые-криминологи считают, что эффективность борьбы с коррупцией в решающей степени зависит от совершенствования уже имеющейся юридической техники. Чаще, однако, подчеркивают, что для противодействия коррупции в нашей стране совершенствования одной лишь юридической техники явно недостаточно. Дело в том, что наше законодательство по сей день создает законы-намерения, а не законы-процедуры. Нередко их реализация содержится в подзаконных актах, в которых имеется произвольное толкование, поэтому коррупционная сделка часто становится единственным выходом для гражданина или бизнесмена.

Другой подход к стратегии борьбы с коррупцией основан на убеждении, что значительно снизить коррозию государственного аппарата можно, главным образом, при помощи ужесточения уголовной ответственности и введение репрессивных мер в отношении коррумпированных чиновников. При этом предлагается ориентироваться на Китай, где разоблаченный коррупционер может быть приговорен к смертной казни. Казни коррупционеров в этой стране нередко производятся публично — на стадионах перед футбольными матчами. Однако, несмотря на такие жесткие меры, взяточничество в КНР остается довольно высоким. Собственно, нет ни одной страны мира, где бы удалось добиться устойчивых положительных результатов в борьбе с коррупцией, прибегая главным образом к репрессивным мерам.

Кроме правового и репрессивного методов борьбы с коррупцией за рубежом все большее значение придается этическому воспитанию как самих чиновников, так и населения. Например, в том же самом Китае ключевая роль в профилактике коррупции в последние годы отводится уже не публичным расстрелам коррупционеров, а антикоррупционному образованию граждан. Данное направление рассматривается государством как стратегически долгосрочная программа. По мнению китайских экспертов, кропотливая работа по воспитанию правильного поведения у граждан должна начинаться с раннего детства, со школы. Это, в свою очередь, позволит сформировать у будущего поколения активную гражданскую позицию и стабильную социальную среду.

Антикоррупционное воспитание молодежи — безусловно, правильное направление, но... в очень долгосрочной перспективе. Даже если предположить, что антикоррупционное воспитание будет давать «на выходе» поколение за поколением людей, отвергающих коррупцию, эти новые поколения начнут доминировать в населении страны не ранее

чем через 20-30 лет. К тому же в условиях институционализированности коррупции воспитание коррупционного абсентизма представляет сложную педагогическую задачу. Если контраст между наставлениями педагогов и «правдой жизни» будет очень велик, эти наставления могут пойти не впрок.

Морально-этический метод борьбы с коррупцией обязательно должен применяться по отношению не только к молодежи, но и ко взрослым гражданам. Речь идет о формировании у россиян позитивного отношения к «доносам» на коррупционеров. Ведь правоохранительные органы принципиально не могут сами по себе, без поддержки граждан, вести эффективную борьбу с институциональной коррупцией. Однако сама идея апелляции к помощи добровольных информаторов наталкивается в постсоветской России на неформальный институт, который можно назвать «синдромом Павлика Морозова». Хотя советская официальная культура активно пропагандировала образ «пионера-героя», в СССР сложился четкий неформальный стереотип: человек, сообщающий правоохранительным органам о незаконном поведении своих близких, есть бесчестный предатель.

Взглянем с современной точки зрения на смысл «мифа» о Павлике Морозове. К чему он призывает? К добровольному сотрудничеству с правоохранительными органами, кем бы ни были нарушители закона. О каких нарушениях закона идет речь? Если следовать исходному смыслу «мифа», то речь идет о коррупции: ведь, согласно официальной советской версии, отец «пионера-героя», председатель сельсовета Трофим Морозов, был осужден по «доносу» сына за тайную продажу справок ссыльным крестьянам.

Смысл «дела Павлика Морозова» как культурно-ментального института отнюдь не сводится к призыву пионерам следить за законопослушным поведением своих родителей. Следует учитывать, что Россия относится к патерналистским обществам, где личные связи преобладают над официальными. Это значит, что формальные служебные отношения имеют тенденцию трансформироваться в неформальные отношения «братства». Не случайно в 1990-е гг. важнейшим капиталом начинающих отечественных бизнесменов были не деньги, а личное знакомство с «нужными людьми», часто тянущееся с детских и студенческих лет (как одна из форм социального капитала). Поэтому российская коррупция — это не только и не столько торговля незаконными услугами, сколько реципрокный взаимообмен в социальной сети. В таком культурном контексте «дело Павлика Морозова» означает призыв ставить членство в гражданском обществе выше членства в малых группах, отказываясь от круговой поруки «своих людей» в пользу общества в целом. Если бы продолжал действовать советский культурно-ментальный стереотип, то размах коррупции сдерживался опасением,

что молчаливое несогласие коллег по работе выльется в «доносы» правоохранительным органам.

«Синдром Павлика Морозова» сохраняется и в России 2000-х гг. В рамках современного российского культурного дискурса практически невозможно обсуждать проблему стимулирования добровольных информаторов, не используя осуждающих выражений («донос», «стукачество» и т.д.). Поэтому создается парадоксальное положение, когда либеральные СМИ, ориентирующиеся на пропаганду американских институтов гражданского общества, сообщают в резко осуждающем тоне об американском опыте «виджилантизма» (буквально — «дующих в свисток», «свистунов») [1]. Между тем этот опыт показывает, как в ситуации обострения проблем теневых экономических отношений следует формировать именно позитивное отношение граждан к добровольному и инициативному сотрудничеству с правоохранительными органами.

Можно вспомнить историю десятилетней давности, когда осенью 2001 г. США поразил скандал, связанный с крахом «Энрон», одной из крупнейших энергетических корпораций. Причиной внезапного краха было сокрытие топ-менеджерами корпорации истинной информации о финансовом положении фирмы. Крах «Энрона» привел к критическому разбирательству с положением дел во многих других крупных фирмах, в результате чего обнаружилось, что в «большом бизнесе» Америки нарушения финансовой отчетности встречаются отнюдь не редко. Героями борьбы с корпоративной коррупцией были провозглашены те люди, которые по собственной инициативе сообщали о нарушениях в своих организациях. Так, в 2002 г. американские СМИ среди «людей года» назвали Шерон Уоткинс, вице-президента «Энрона», с анонимного сигнала которой началось разоблачение корпоративных махинаций.

Американский экономист Л. Зингалес прямо указал [6], что в современном сложно организованном хозяйстве, где эффективный внешний контроль корпораций крайне затруднен, спасти экономику от массового корпоративного мошенничества должны, прежде всего, именно «свистуны». А поскольку даже в индивидуалистической Америке те, кто сигнализирует о нарушениях своих коллег по работе, часто подвергаются формальным и неформальным санкциям, то их надо стимулировать не только морально, но и материально (премировать процентом из того штрафа, который платят виновные в «беловоротничковых» правонарушениях).

Системы морального и материального поощрения тех, кто информирует правоохранительные органы о коррупционных правонарушениях, уже созданы во многих странах мира. Постсоветской России также придется эти системы также создавать (в том числе и путем «реабилитации» Павлика Морозова), если она хочет добиться успехов в противодействии коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бай Е. «Спаси человечество могут только донсчики» // Известия. 2004. 5 февраля (<http://www.izvestia.ru/world/article43941>).
2. Замгенпрокурора РФ: «Прокуроры по уровню коррупции не на 2, а лишь на 7 месте» // Право.ру. 2010. 19 августа (<http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13746.html>).
3. Наумов Ю.Г. Коррупция и общество: теоретико-экономическое и прикладное исследование. Владимир, 2008.
4. Национальная безопасность России в оценках экспертов. Аналитический доклад. М.: Институт социологии, 2010.
5. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы. Указ Президента РФ от 14 апреля 2010 г. № 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля.
6. Zingales L. Want to Stop Corporate Fraud? Pay Off Those Whistle-Blowers // Washington Post. 2004. January 18 (<http://www.aei.brookings.org/policy/page.php?id=173>).